

Назипов Ильгиз Ильдарович

АНАЛИЗ ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА ОЦЕНОК РУССКО-ОРДЫНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКИХ НАРРАТИВНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Проводится анализ теологического подхода средневековых авторов литературных и летописных текстов для выявления семантики этих текстов. Древние авторы обычно объясняли причины происходящих событий общественной жизни либо волей Бога, либо происками сатаны. Это они отражали в своих текстах, но средствами, которые недоступны пониманию далекого от теологии современного человека. Автор статьи пытается создать алгоритм распознавания теологической семантики древних текстов для последующего применения его представителями научного сообщества в аналитической работе с нарративными источниками.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. I. С. 129-132. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(470)

Исторические науки и археология

Проводится анализ теологического подхода средневековых авторов литературных и летописных текстов для выявления семантики этих текстов. Древние авторы обычно объясняли причины происходящих событий общественной жизни либо волей Бога, либо происками сатаны. Это они отражали в своих текстах, но средствами, которые недоступны пониманию далекого от теологии современного человека. Автор статьи пытается создать алгоритм распознавания теологической семантики древних текстов для последующего применения его представителями научного сообщества в аналитической работе с нарративными источниками.

Ключевые слова и фразы: промысел Божий; кары Господни; происки дьявола; тексты книжников; эсхатологические произведения; аналогии; семантический анализ; татары.

Назипов Ильгиз Ильдарович, к.и.н.

Пермский институт экономики и финансов
nazipoff@mail.ru

**АНАЛИЗ ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА ОЦЕНОК РУССКО-ОРДЫНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В РУССКИХ НАРРАТИВНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ[©]**

Чтобы понимать смысл средневековых текстов, надо постигать логику мышления авторов и литературные приемы, через которые они ее выражали, и в данных рамках – свои выводы о сути описываемых событий, поступков. Попытаемся это сделать в настоящей статье, и выявленные приемы спроецируем на оценки средневековых русских «книжников» воздействия монголо-татар и Орды на русские земли.

Стереотипы поведения и мышления средневекового человека очень отличались от современных. Мышление средневекового христианина было глубоко религиозным, и построено оно было на знании и, по возможности, соблюдении обширного свода правил, диктуемых религией. Не соблюдающим закон Божий христианам и неверным грозили ад, Страшный Суд, Конец Света, кары Господни.

Отсутствия грехов, вины перед Господом, людям достигать было не просто, потому что в соответствии с богословскими учениями Средневековья, люди, с одной стороны, – это божественные творения наделенные светом разума Творца, но с другой стороны, они испорчены первородным грехом. Также активно действует в делах и явлениях мирских антипод Бога – Сатана. Он искушает людей на грехи, и человек должен устоять перед искушением.

Во всех мирских делах и явлениях богословы, и за ними их паства, искали следы и знаки божественной воли, или же земной греховности людей, происков Сатаны. Промыслом Божиим или происками Сатаны они объясняли суть всех событий, явлений, действий.

Человек боялся в этой временной жизни прогневить Бога грехом и попасть в ад, боялся Страшного суда. Он боялся наказаний за грехи в этой жизни – как за свои, так и за чужие, когда за отца кара достигнет сына, когда страну достигнет кара за грехи ее жителей или элиты. Так, например, в библейском тексте десять казней обрушились на весь Египет за то, что его фараон удерживал в плену евреев. Среди этих казней была, например, и смерть всех первенцев по всей стране. Причина эпидемии чумы в представлении людей Средневековья – ядовитый ветер, который посылает Бог в наказание за грех. Нашествие, например, гуннов на уже принявших христианство римлян и гóтов люди считали наказанием за грехи, а вождя гуннов Аттилу так и называли – «Бич Божий». Когда он умер, «символично» захлебнувшись во сне собственной кровью, пошедшей из носа, люди считали это «чудесным избавлением». Совершавшие нашествия на христиан арабы, мадьяры, монголы, турки были для них также карой Бога, либо воинством антипода Бога – Антихриста, сатаны.

Люди при эпидемиях, нашествиях врагов, неурожаях и других Божьих карах молились, жгли пахучие травы, а также расправлялись с теми, кто грехами навлек беду, – с блудницами, ведьмами. В Священном Писании были образцы подобного поведения. Например, в Книге Пророка Ионы, чтоб прекратилась буря и спасся корабль, моряки сбросили в море прогневившего Бога Иону, и буря немедленно стихла (Ион. 1:1-16).

В контексте внезапного, осуществленного большими воинскими силами, жестокого нашествия незнакомого до того народа – монголов, – который внешне и поведением очень отличался от русских, актуальными для людей становятся знания о предсказанном в священных текстах Конце Света. Эта эсхатологическая угроза имела в религиозных предсказательных текстах свои «знаки», по которым люди могли понять ее приближение. В частности Концу Света предшествовала череда событий, которые в сумме составляют период истории человечества – «Последние времена». Нашествие татар «книжники» сравнивали с описываемым в предсказательных текстах началом Последних времен, в которые происходит нашествие неких народов, вышедших из пустыни. Например: «**Авиша љзыци ихже никтоже добръ љсно не вѣсть кто суть и ѱколѣ изидоша и что љзыкѣ ихъ и которого племени су и что вѣра ихъ и зовуть љ Татары а инии глють Таурмены а друзии Печенѣзи ини глють љко се су ѱ ниже Мефодии Патомьскыи еппѣ свѣдѣтельствуе љко си су ишли ис пустыниѣ Стриевьскыи сущее межю востоко и сѣверо так обо Мефодии ре љко къ скончанью**

время **завитиса тѣ же загна Гедешъ и поплѣнати всю землю»** [2, стлб. 445-446]. Татар летописи сравнивали и с другими библейскими врагами верующих, например, с упоминаемым в Священном Писании народом маовитян: **«Приде неслыханаѣ рать безбожнии Моавитане рекомы и Татаръве»** [1, стлб. 740].

Добавим, что «кары Господни» часто посылались с целью не санкции, а вразумления, подталкивания к исправлению. Исправившихся Бог прощает: **«...богъ, видѣвъ их сердца яко воистину покаившася каждо от своего зла дѣломъ и мыслью, – милость к нищимъ пусти»** [4, с. 446]. В Библии Бог иногда даже предлагает провинившемуся и осознавшему это царю казнь на выбор: «избирай себе, быть ли голоду в стране твоей семь лет, или чтобы ты три месяца бегал от неприятелей твоих, и они преследовали тебя, или чтобы в продолжение трех дней была моровая язва в стране твоей» (2, Цар. 24:11-13).

Но не все так просто. Проявления внешней и внутренней среды для людей Средневековья объяснялись, кроме воли Бога, еще и происками сатаны. Например, болезнь скота в деревне мог послать не Бог в наказание за неверие и другие грехи, а дьявол, например, через ведьму. Происки дьявола и его слуг, могли восприниматься и как причины пожаров. Можно вспомнить, что когда летом 1547 г. сильный пожар спалил всю Москву, началось восстание москвичей. Они считали, что город сожгли Глинские, что Анна Глинская колдовала – вынимала человеческие сердца и клала их в воду и этой водой, разъезжая по Москве, кропила, и оттого Москва и выгорела.

Православный богослов XIII века Серапион Владимирский, говоря об испытании водой, показывает присутствие дьявола в общественной жизни его возможным вмешательством в испытание: **«Правила божественнаго повелѣвають многими послухъ осудити на смерть человекѣка. Вы же воду послухомъ постависте и глаголете: аще утапати начнетъ, неповинна, есть; аще ли поплыветъ – волховъ есть. Не может ли диаволь, видя ваше маловѣрье, подержати, да не погрузится, дабы въврещи въ душгубство; яко, оставльше послушество боготворенаго человекѣка, идосте къ бездушну еству к водѣ приасть послушество на прогивъване божие?»** [Там же, с. 450].

Человеку Средневековья нужно было различать воздействие Бога и дьявола на дела мирские. От кого в каждом конкретном случае исходят трудности человека, беды, болезни, от этого зависит и ответное поведение человека. Тому, что исходит от Лукавого, надо сопротивляться делом и молитвой. Наказания или испытания, данные Богом, следовало принимать покорно, не ропча на Бога. Ответ на них был один – стерпеть их с благодарностью и исправиться, чтоб исчезла причина кар, очиститься от грехов праведным поведением, верой и покорностью перед Божьей волей: например, как выдержал испытание Авраам, готовый принести в жертву Богу сына Исаака или как выдержал их Иов, который остался преданным Богу, несмотря на то, что всего лишился – богатства, детей, здоровья (Иов. 1:42).

Встает вопрос о правильной идентификации источника воздействия на событие и т.о. причин его. Мы выделим некоторые признаки, по которым можно «увидеть» в тексте волю Бога и действия дьявола, в христианских средневековых текстах.

Во-первых, часто средневековые «книжники» прямым текстом обозначали свое видение источника событий – они так и писали, что это «от дьявола» или что «по воле Господа». Часто в случаях несчастий они писали фразу «за грехи наши». Но информацию фраз «от дьявола», «от Лукавого», «по воле Господа» следует проверить и подтвердить другими свидетельствами «книжников», потому что такие фразы могли попасть в текст и просто как привычное для своего времени выражение. При сообщениях о нашествии монголо-татар и пленении русской земли фраза «Бог покарал за грехи наши» встречается очень часто.

Во-вторых, важно в текстах увидеть параллели с широко известными средневековым авторам, религиозными и предсказательно-религиозными текстами: в основном – о карах Господних, например, с сочинениями библейских Исаии, Иеремии, Иезекииля, Даниила, Захарии, Моисея, Иоанна Богослова или предсказателей, последующих за составителями Библии, времен Мефодия Потарского, Серапиона Владимирского, Феодосия Печерского. Параллели в средневековых текстах с религиозными или религиозно-предсказательными эсхатологическими произведениями бывают в том или ином виде почти всегда. Дело в том, что любой автор вольно или невольно повторяет отчасти то, что написано до него и им прочитано, подражает этому. Средневековые «книжники», будучи образованными людьми своего времени, хорошо знали Библию и наиболее известные теософские книги, но в условиях дефицита рукописных книг могли больше вообще ничего не прочесть. Способы применения параллелей могут быть разные. Например, это может быть прямое упоминание автора или произведения в контексте повествования, например, «как сказано у Мефодия Потарского». Параллели могут быть в форме вставки заимствований из известного религиозного произведения в свой текст. Например, в Новгородскую Первую летопись включен текст поучения «О казнях Божиих» [3]. Чаще всего, конечно, цитируется самая известная для средневековых авторов и читателей книга – Библия. Описание нашествия войск Батыея и событий, связанных с последующим подчинением русских земель Орде, систематически содержат параллели с библейскими текстами о карающей воле Бога.

В-третьих, распознать деяния Сатаны можно, разглядев признаки его и его сил, по аналогии с описанием их в Библии и в близких к ней религиозных и предсказательно-религиозных текстах. Деяние, в основе которого имеют место пороки, свойственные в священных текстах дьяволу или его слугам, исходит от дьявола. В первую очередь свойственные дьяволу пороки выявляются из его имени: Сатана (от ивр. שָׂטָן, *satan*) переводится как «противник», «клеветник», Дьявол (от др.-греч. Διάβολος) переводится как «лукавый», «клеветник». Также следует исходить из того, что дьяволу свойственна гордыня, ведь именно за нее, из-за желания быть равным Богу, он, будучи архангелом Люцифером, был низвергнут Богом.

Соответственно, если для людей постоянно создаются препятствия правильному поведению и мыслям, то это исходит от «противника» божьего закона, т.е. от дьявола. Если чье-то деяние продиктовано ложью, клеветой, то оно исходит от «клеветника», т.е. от дьявола. Такое деяние также запрещено и заповедями Священного Писания (Исх. 20:16). Если поведение содержит в себе черты лукавства, то его навязывает людям «лукавый», т.е. сатана. И в заповедях Христа, есть фраза, подтверждающая это: «не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого» (Мф. 6:13). Также дьявола средневековые тексты ассоциируют со словом Зверь, делая параллель со зверем в «Откровении Иоанна Богослова».

Следовательно, когда татары вообще и их отдельные представители, например, хан Батый, названы зверем, ведут себя льстиво, клеветают, лгут, то, вероятно, средневековый автор желает показать их как дьявола или как слуг дьявола. В средневековых описаниях событий русско-татарских отношений подобные характеристики татар, лично Батыя, Шевкала и других татарских вельмож, встречаются неоднократно. Очень характерно это, например, для Ипатьевской летописи [1, стлб. 780], для Тверской летописи [5], отчасти для Лаврентьевской летописи [2, стлб. 465, 468].

В-четвертых, когда речь заходит о «казнях Божиих», то они должны быть людьми «заслужены». В тексте следует увидеть предшествующее поведение пострадавшего субъекта, в том числе народа. Если оно характеризуется «книжником» как греховное, то вероятно, что беды, произошедшие с ним, – это кара Господня. Если же подчеркнута сообщается о том, каким праведником был человек, как он много молился, соблюдал посты, жертвовал милостыню, был воздержан, то, вероятно, «книжник» старается показать, что он не заслужил кару Господню и что его мучает дьявол (либо Бог проверяет, испытывает). Очень ярко пишет о греховности Руси, за что были Богом посланы татары, Серапион Владимирский [4, с. 440-455].

В-пятых, отношение к происхождению конкретного описываемого «книжником» бедствия можно понять из того, какое поведение «книжник» считает правильным в качестве «ответа» бедствию – смиренно принять его или же сопротивляться. Конечно, карающей воле Господа христианину сопротивляться не подобает. Книжник может и не призывать смиренно принять участь, а показать, как его положительно характеризующие своей набожностью герои поступают именно так. Но может книжник и призывать к этому, либо вложить такие размышления в уста персонажей произведения.

Сказанное об «ответе» бедствию не означает что в реальной жизни прототипы произведения средневекового «книжника» всегда покорно принимали «кару Господню» и не боролись с посланным им нашествием врагов, наводнением, эпидемией, – тем, что «книжник» объяснял в каждом конкретном случае орудием Господа в его каре. Содержание текстов «книжников» не обязательно совпадает с реальными событиями, пропагандируемый им «ответ» вовсе не обязательно совпадает с реальным «ответом». «Книжник» пишет после событий, зная, чем они закончились, дав им богословскую оценку, и под выбранную схему «ответа» на бедствие положительным и отрицательным героям вменяет соответствующее поведение. Также не следует забывать, что идеи «кары Божьей» в обществе «книжники», как свойственно представителям литературного труда, подаются в гипертрофированном масштабе.

В-шестых, можно назвать и такой фактор как отношение завоевателей или разбушевавшейся стихии к церкви, церковнослужителям, и отношение церкви к ним. Логично, когда посланное Богом бедствие не затрагивает церковь, и когда церковь и ее служащие не противятся ему, и наоборот – когда бедствие исходит от дьявола. То же относится к убийствам или пыткам «за веру» (в текстах христиан, за веру христианскую): их совершают, конечно же, слуги дьявола. И именно они агитируют, «отводят» от веры (христианской в тексте христианских авторов). Но следует помнить, что не все логично бывает у литераторов, в том числе средневековых. Например, для эффекта изложения они могут включить разорение церквей в обоих случаях. Поэтому данный фактор может в аргументации исследователя дополнять остальные, но не выступать в качестве основного.

Совокупность названных признаков, какого-либо набора их, позволит ученому-историку правильно идентифицировать позицию «книжника», хотя следует учитывать, что могут в тексте присутствовать одновременно характеристики разной семантики (смыслового значения символов). В таких случаях при анализе текста следует их сопоставлять, и возможно, какая-то из двух названных характеристик будет доминировать.

Следует также быть осторожным в обобщениях при анализе литературы на конкретную тему. Например, разные «книжники» могли объяснить одно и то же бедствие испытанием Богом их веры, происками дьявола, и также соединить обе трактовки – действует дьявол, но с разрешения испытывающего или карающего за неверие Господа.

Список литературы

1. **Ипатьевская летопись** // Полное собрание русских летописей: в 43-х т. М.: Изд-во вост. лит., 1962. Т. II. Стлб. 740-791.
2. **Лаврентьевская летопись** // Полное собрание русских летописей: в 43-х т. М.: Изд-во вост. лит., 1926. Т. I. Стлб. 440-471.
3. **Новгородская I летопись** // Полное собрание русских летописей: в 43-х т. М.: Языки рус. культуры, 2000. Т. III. С. 186-190.
4. **Памятники литературы Древней Руси: XIII век** / ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Худ. лит, 1981. 616 с.
5. **Рогожский летописец. Тверской сборник** // Полное собрание русских летописей: в 43-х т. М.: Языки рус. культуры, 2000. Т. XV. Стлб. 139-142.

ANALYSIS OF THEOLOGICAL APPROACH TO ASSESSMENTS OF THE RUSSIAN-HORDE RELATIONS IN THE RUSSIAN NARRATIVE HISTORICAL SOURCES

Nazipov Il'giz Il'darovich, Ph. D. in History
Perm Financial and Economic Institute
nazipoff@mail.ru

The analysis of the theological approach of the medieval authors of literary and chronicle texts is conducted for the identification of these texts semantics. Ancient authors generally explained the reasons of public life events either by the will of God or the machinations of Satan. They reproduced it in their texts, but by the means that the modern man, who knows little about theology, can't understand. The author of the article tries to create an algorithm for recognizing the theological semantics of ancient texts for further use by the representatives of scientific community in analytical work with narrative sources.

Key words and phrases: Divine Providence; Divine Scourge; Devil's intrigues; texts of scribes; eschatological works; analogies; semantic analysis; the Tatars.

УДК 101.1:316

Философские науки

Статья посвящена социально-философскому и религиоведческому анализу процессов и явлений, детерминировавших характер и особенности религиозного сознания российского социума в т.н. перестроечный период. Рассматриваются ключевые тенденции религиозной сферы указанного отрезка времени в диалектической связи с предшествующим (советским) и с последующими современными этапами трансформации религиозности в России. Автор выявляет особенности, которые, будучи укоренены в рассматриваемом временном контексте, являются характерными проявлениями российской религиозной сферы и сегодня.

Ключевые слова и фразы: российское религиозное сознание; общественное сознание; перестроечный период; тысячелетие крещения Руси; мистические учения; эзотерические учения; либерализация; демократизация.

Насртдинова Валентина Михайловна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
vtnasrtdinova@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПЕРЕСТРОЕЧНОГО ВРЕМЕНИ[©]

Последние годы перед закатом Советского государства принято традиционно связывать с подъемом религиозного сознания в России, а также ростом роли религии в жизни людей. Однако природа и содержание этого интереса являются полисемантическими, сложносоставными, далекими от однозначности, а потому требующими пристального внимания. Феномен религиозного подъема восьмидесятых представлен, на наш взгляд, беспрецедентной конвергенцией и сближением понятий «религиозное/духовное/сверхъестественное». В религиозном сознании десятилетия представление о религиозном и религиозности зачастую находится вне теологического, вероучительного или институционального контекста, но является значительно связанным с абстрактными представлениями о трансцендентном; и, в частности, выраженным через концентрированный *интерес* к мистическим и эзотерическим учениям, астрологии, магии, экстрасенсорике. По мнению С. Г. Устинова, «интерес к эзотеризму и мистике порожден травмами массового сознания, нанесенными индустриальной революцией, мировыми войнами, усложнившимися условиями бытия и во многом связан с крахом веры в прогресс, возможность рациональной организации жизни, государства и общества» [8, с. 170]. Действительно, внимание к подобным материям характерно для российского общества в периоды больших перемен – достаточно вспомнить хотя бы массовое увлечение спиритическими сеансами в 1910-1920-е гг. В середине 80-х гг. интерес этот принимает порой совершенно причудливые воплощения – с больших экранов транслируются сеансы зарядки банок с водой, кремов и мазей, левитации, гипноза, телепатии и даже «воскрешения» мертвых. Широкую известность приобретают имена А. Кашпировского, А. Чумака, Ю. Лонго, П. Глобы. Многозначительные взгляды и глубокомысленные рассуждения о том, что «там» (палец говорящего устремляется вверх) «что-то есть», становятся приметой времени.

С приходом к власти в 1984 г. М. С. Горбачева также привычно ассоциируются такие понятия, как «перестройка», «демократизация», «гласность». Казалось бы, либерализация отношения к вопросам религии вполне могла бы коррелировать с общей либерализацией избранного курса. Однако широкую известность приобрела речь, произнесенная М. С. Горбачевым в 1986 г. в Ташкенте, где острой критике он подверг тех, «кто идет в мечеть с партбилетом» [2].

В то же время, принимая во внимание описанную выше тенденцию все нарастающего интереса к вопросам религии, подкрепленную, с одной стороны, фактором разочарованности граждан в советской идеологии и необходимости поиска иных нравственных идеалов, а с другой – либерализацией во всех сферах культуры – театре, кинематографии, литературе, и свободой слова в печати, необходимо понимать, что общество напряженно ожидало и смягчения политики в религиозной сфере.